

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

Библиотека лучшей поэзии

БЕЛЛА
АХМАДУЛИНА

По улице моей...

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А 95

Дизайн серии *Виктории Лебедевой*
Дизайн обложки и внутреннего оформления
Наталии Бисти

В оформлении книги использованы акварели и рисунки
Бориса Мессерера,
фотография Б. Ахмадулиной из его личного архива

Ахмадулина, Белла Ахатовна

А 95 По улице моей... / Белла Ахмадулина. – Москва:
Издательство АСТ, 2017. – 336 с.; ил. – (Библиотека лучшей
поэзии).

ISBN 978-5-17-982469-5

Белла Ахмадулина — поэт уникальный: соединив в своем творчестве традиции «золотого» и «серебряного» века, она создала особый неповторимый стиль, и ее голос невозможно спутать с чьим-либо другим. В основе ее стихотворений лежат музыка, легкость и образность. Глаз поэта подмечает любую деталь, любую мелочь, которые развиваются в целые художественные картинки, начинают являть различные ситуации и события. Вспомним хотя бы всем известные стихи «А напоследок я скажу...», «По улице моей который год...», «О, мой застенчивый герой...»

Белла Ахмадулина — «бесконечно красивая, утонченно-жеманная, но абсолютно естественная. Она никогда не наигрывала. Такой вот редкостный необычный цветок», — говорил о ней М. Таривердиев, создавший вокальный цикл на стихи поэта. Его слова замечательно иллюстрируют акварельные и графические портреты Ахмадулиной, выполненные Борисом Мессерером, часть из которых вошла в эту книгу.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-982469-5

© Б. Ахмадулина (наследники), 2017
© Б. Мессерер, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Ещё жива,
ещё любима*

* * *

Ни слова о любви! Но я о ней ни слова,
не водятся давно в гортани соловьи.
Там пламя посреди пустого небосклона,
но даже в ночь луны ни слова о любви!

Луну над головой держать я притерпелась
для пущего труда, для возбужденья дум.
Но в нынешней луне — бессмысленная
прелесть,
и стелется Арбат пустыней белых дюн.

Лепечет о любви сестра-поэт-певунья —
вполглаза покошусь и усмехнусь вполрта.
Как зримо возведён из толщи полнолуны
чертог для Божества, а дверь не заперта.

Как бедный Гоголь худ там, во главе бульвара,
и одинок вблизи вселенской полыньи.
Столь длительной луны над миром не бывало,
сейчас она пройдёт. Ни слова о любви!

Так долго я жила, что сердце притупилось,
но выжило в бою с невзгодой бытия,
и вновь свежим-свежа в нем чья-то власть
и милость.

Те двое под луной — неужто ты и я?

Рисунок

Борису Мессереру

Рисую женщину в лиловом.
Какое благо — рисовать
и не уметь? А ту тетрадь
с полузабытым полусловом
я выброшу! Рука вольна
томиться нетерпеньем новым.
Но эта женщина в лиловом
откуда? И зачем она
ступает по корням еловым
в прекрасном парке давних лет?
И там, где парк впадает в лес,
лесничий ею очарован.
Развязный! Как он смел взглянуть
прилежным взором благосклонным?
Та, в платье нежном и лиловом,
строга и продолжает путь.
Что мне до женщины в лиловом?
Зачем меня тоска берёт,
что будет этот детский рот
ничтожным кем-то поцелован?
Зачем мне жизнь её грустна?
В дому, ей чуждом и суровом,
родимая и вся в лиловом,
кем мне приходится она?

Неужто розовой, в лиловом,
столь не желавшей умирать, —
всё ж умереть?
А где тетрадь,
чтоб грусть мою упрочить словом?

1968

Дом

Борису Мессереру

Я вам клянусь: я здесь бывала!
Бежала, позабыв дышать.
Завидев снежного болвана,
вздыхала, замедляла шаг.

Непрочный памятник мгновенью,
снег рукотворный на снегу,
как ты, жива на миг, а верю,
что жар весны превозмогу.

Бесхитростный прилив народа
к витринам — празднество сулил.
Уже Никитские ворота
развёрсты были, снег валил.

Какой полёт великолепный,
как сердце бедное несло
вдоль Мерзляковского — и в Хлебный,
сквозняк — навывлет, двор — насквозь.

В жару предчувствия плохого
поступка до скончания лет —
в подъезд, где ветхий лак плафона
так трогателен и нелеп.

Как опрометчиво, как пылко
я в дом влюбилась! Этот дом
набит, как детская копилка,
судьбой людей, добром и злом.

Его жильцов разнообразных,
которым не было числа,
подвыпивших, поскольку праздник,
я близко к сердцу приняла.

Какой разгадки разум жаждал,
подглядывая с добротой
неистовую жизнь сограждан,
их сложный смысл, их быт простой?

Пока таинственная бытность
моя в том доме длилась, я
его старухам полюбилась
по милости житья-бытья.

В печальном лифте престарелом
мы поднимались, говоря
о том, как тяжело старым телом
терпеть погоду декабря.

В том декабре и в том пространстве
душа моя отвергла зло,
и все казались мне прекрасны,
и быть иначе не могло.

Любовь к любимому есть нежность
ко всем вблизи и вдалеке.
Пulsировала бесконечность
в груди, в запястье и в виске.

Я шла, ущелья коридоров
меня заманивали в глубь

чужих печалей, свадеб, вздоров,
в плач кошек, в лепет детских губ.

Мне — выше, мне — туда, где должен
пришелец взмыть под крайний свод,
где я была, где жил художник,
где ныне я, где он живёт.

Его диковинные вещи
воспитаны, как существа.
Глаголет их немое вече
о чистой тайне волшебства.

Тот, кто собрал их воедино,
был не корыстен, не богат.
Возвышенная вещь родима
душе, как верный пёс иль брат.

Со свалки времени бывшего
возвращены и спасены,
они печально и беззлобно
глядят на спешку новизны.

О, для раската громового
так широко открыт раструб.
Четыре вещих граммофона
во тьме причудливо растут.

Я им родня, я погибаю
от нежности, когда вхожу,
я так же шею выгибаю,
я так же голову держу.

Я, как они, витиевата,
и горла обнажён проём.
Звук незапамятного вальса
сохранен в голосе моём.

Не их ли зов меня окликнул,
и не они ль меня влекли
очнуться в грозном и великом
недоумении любви?

Как добр, кто любит, как огромен,
как зряч к значенью красоты!
Мой город, словно новый город,
мне предъявил свои черты.

Смуглей великого арапа
восходит ночь. За что мне честь —
в окно увидеть два Арбата:
и тот, что был, и тот, что есть?

Лиловой гроздью виснет сумрак.
Вот стул — капризник и чужак.
Художник мой портрет рисует
и смотрит остро, как чужак.

Уже считая катастрофой
уют, столь полный и смешной,
ямб примеряю пятистопный
к лицу, что так любимо мной.

Я знаю истину простую:
любить — вот верный путь к тому,
чтоб человечество вплотную
приблизить к сердцу и уму.

Всегда быть не хитрей, чем дети,
не злей, чем дерево в саду,
благословляя жизнь на свете
заботливей, чем жизнь свою.

Так я жила былой зимою.
Ночь разрасталась, как сирень,

и всё играла надо мною
печали сильная свирель.

Был дом на берегу бульвара.
Не только был, но ныне есть.
Зачем твержу: я здесь бывала,
а не твержу: я ныне здесь?

Ещё жива, ещё любима,
всё это мне сейчас дано,
а кажется, что это было
и кончилось давным-давно...

1974

* * *

Борису Мессереру

Потом я вспомню, что была жива,
зима была и падал снег, жара
стесняла сердце, влюблена была —
в кого? во что?

Был дом на Поварской
(теперь зовут иначе)... День-деньской,
ночь напролёт я влюблена была —
в кого? во что?

В тот дом на Поварской,
в пространство, что зовётся мастерской
художника.

Художника дела
влекли наружу, в стужу. Я ждала
его шагов. Смеркался день в окне.
Потом я вспомню, что казался мне
труд ожидания целью бытия,
но и тогда соотносила я
насущность чудной нежности — с тоской
грядущей... А дом на Поварской —
с немислимым и неизбежным днём,
когда я буду вспоминать о нём...

1974